

XVI $\frac{45}{10}$

1910-~~1911~~ r.u.

4

1-6. XI-XII-I

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотени городскихъ училищъ.

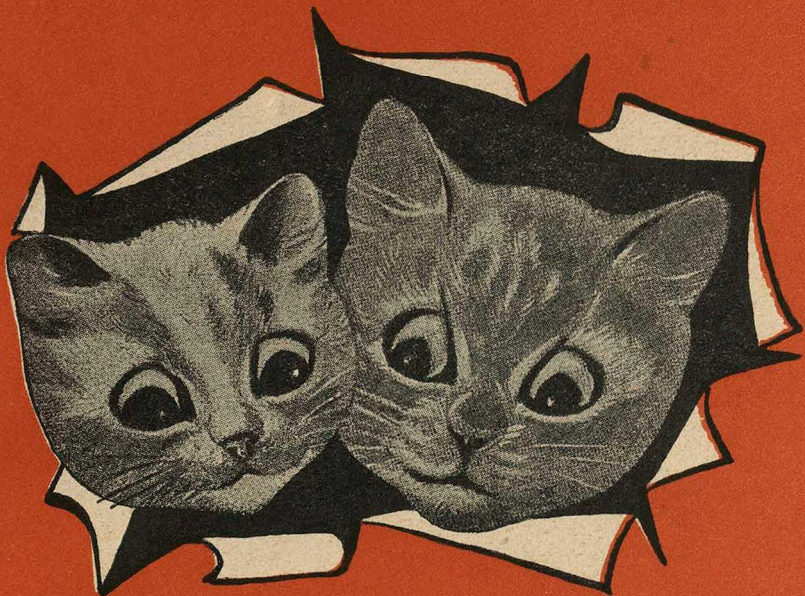
XVI $\frac{45}{10}$

Годъ изданія четвертый

НОЯБРЬ

№ 1.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

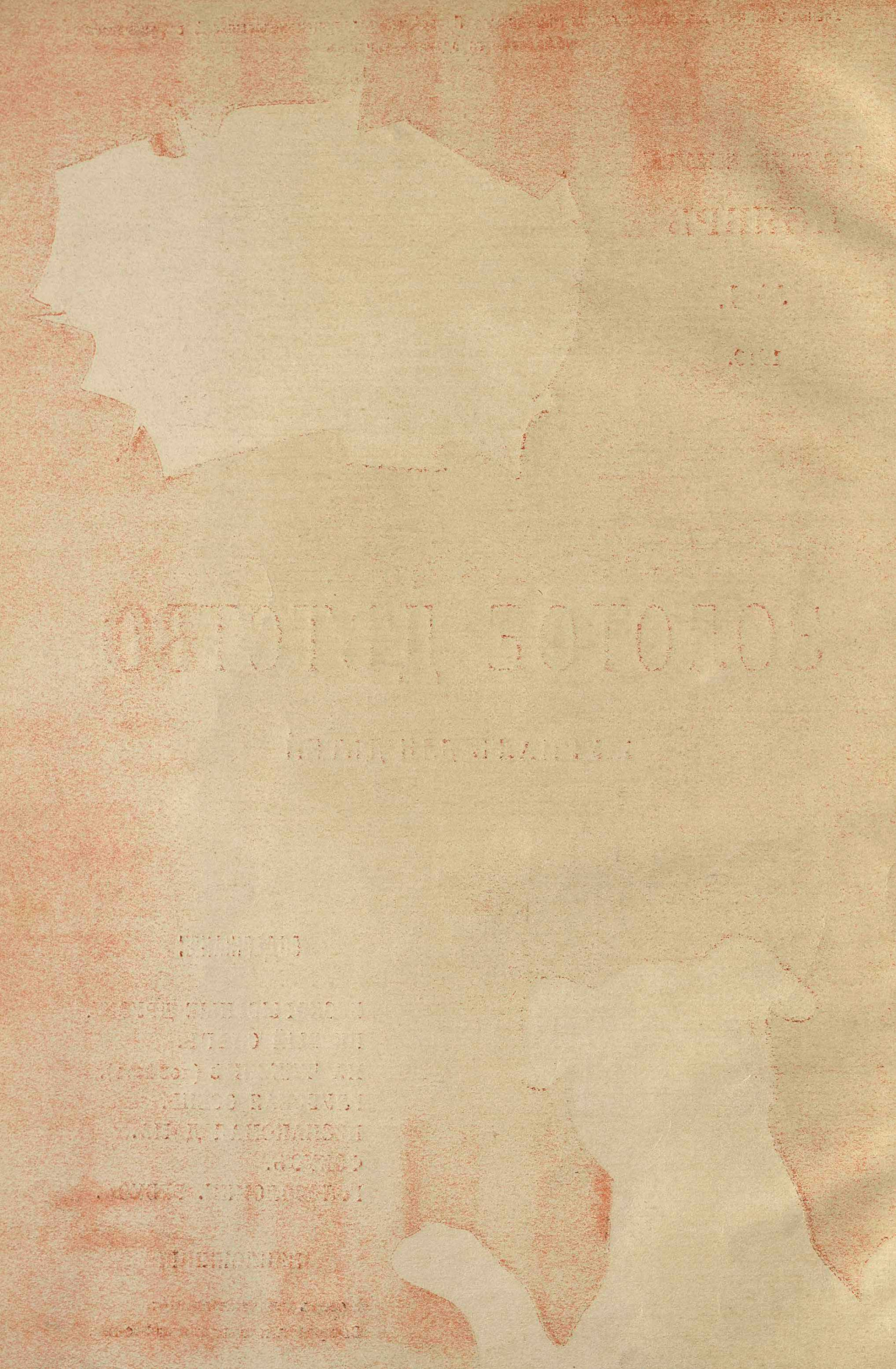
СОДЕРЖАНІЕ:

БЕЗКОРЫСТНЫЕ ДРУЗЬЯ.
ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.
НА ЧУЖБИНѢ (повѣсть).
ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ.
НЕЗНАКОМАЯ ДАМА.
ФОКУСЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ. РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Мебель для склеиванія.
Выкройка платья для дѣвочки.

№ 1. Ноябрь, 1910.

Годъ изданія IV-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Барри.

БЕЗКОРЫСТНЫЕ ДРУЗЬЯ.

Когда я былъ мальчикомъ, то мы жили у моря. Иногда въ вѣтренную погоду его далеко угоняло отъ берега, а затѣмъ, когда вѣтеръ стихалъ, оно незамѣтно обратно возвращалось къ берегу. Въ такіе отливы мы часто купались, потому что становилось мелко. Но иногда случалось такъ, что пока мы купались, море начинало возвращаться и становилось все глубже и глубже. Тогда мы спѣшили къ берегу, чтобы не утонуть и чтобы водою не унесло нашей одежды.

Въ одинъ изъ такихъ отливовъ мы отправились купаться. За нами побѣжали двѣ наши большія черныя дворовыя собаки—Бобчинскій и Добчинскій. Онѣ всегда съ нами бѣгали купаться. Но на этотъ разъ за нами увязалась и маленькая желтенькая комнатная собачка нашей мамы—Фисташка. Дойдя до моря, мы раздѣлись и сошли въ воду. Собаки послѣдовали за нами. Было мелко и, чтобы добраться до болѣе глубокаго мѣста, нужно было болѣе версты отойти отъ берега. Такъ мы и сдѣлали. Обѣ большія собаки и Фисташка поплыли за нами. Но едва только мы достигли того мѣста, гдѣ вода стала доходить мнѣ до шеи, какъ вѣтеръ перемѣнился и море стало быстро прибывать.

— Скорѣй, скорѣй! закричалъ мнѣ

братъ.—Возвращайся скорѣе къ берегу, иначе мы утонемъ.

Я и братъ повернули назадъ и съ трудомъ, на цыпочкахъ, чувствуя, что вода поднимается съ каждымъ нашимъ шагомъ все выше и выше, направились къ берегу. Добчинскій и Бобчинскій тоже послѣдовали за нами. Они плыли. За ними, выбившись изъ силъ, плыла Фисташка. До берега осталось еще далеко, мы съ братомъ спѣшили и взять Фисташку на руки было невозможно. Но она, бѣдняжка, такъ уже устала, что еле поспѣвала за нами и нѣсколько разъ теряла равновѣсіе и окуналась въ воду. Добчинскій и Бобчинскій тоже замѣтно устали. Тогда Фисташка стала визжать, точно прося оказать ей помощь. И я собственными глазами увидѣлъ слѣдующую картину. Съ одного бока къ ней подплылъ Бобчинскій, съ другого Добчинскій, одинъ взялъ ее зубами за одно ухо, другой за другое и такъ они и дотащили ее за уши до самаго берега.

Это былъ первый случай, когда я убѣдился на опытъ въ необыкновенномъ умѣ собаки и въ ея способности оказывать помощь своему ближнему.

И дѣйствительно, собака необыкновенно умна. «Умомъ собаки» держится весь міръ», говорили древніе

КНИГА ИМЕЕТ:

7072

Печатн. ЛИСТОВ	Выпуск	1910/11 В перепл. един. соедин. № 4 вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1950 г.
24	6	1-6 XI-XII-I				5	240 589	

130

~~Handwritten scribbles~~

индусы. И это совершенно вѣрно, потому что въ древнія времена, когда люди вели кочевой образъ жизни и жили одними только своими стадами, они сами и ихъ стада погибли-бы отъ дикихъ звѣрей, если-бы у нихъ не было собакъ. Кромѣ того собака отличается еще такими качествами, какими кромѣ нея не обладаетъ, кажется, ни одно животное въ мірѣ: она вѣрна, благодарна, нѣжна, терпѣлива, прощаетъ обиды и беззавѣтно любитъ своего господина. — «Я зналъ собаку, говоритъ профессоръ Ленцъ,—которая буквально понимала каждое движеніе своего господина; она открывала и закрывала для него дверь, приносила ему стулъ, стаскивала съ него сапоги, подавала ему шапку, разыскивала для него всевозможныя вещи». А я зналъ такую собаку, которая угадывала мысли своего хозяина и исполняла то, что онъ задумывалъ. Эта удивительная собака умѣла находить въ массѣ цифръ тѣ, которыя онъ ей приказывалъ найти, и умѣла отличать веселую музыку отъ печальной. Нѣмецкій учитель Гресснеръ пишетъ, что у него былъ датскій догъ, который терпѣть не могъ, когда люди ссорились и ругались. Завидѣвъ издали спорщиковъ, онъ бросался на нихъ съ громкимъ лаемъ и разнималъ ихъ. Со своими обидчиками эта собака поступала очень просто: она хватала ихъ въ зубы и, не причиняя имъ вреда, приводила ихъ къ своему хозяину; такъ, какому-то бара-

ну вздумалось ее боднуть; тогда она подошла къ нему, взяла его за шиворотъ и притащила его домой. Эту собаку звали Томъ. — «Въ нашей семьѣ, пишетъ объ этомъ Томъ Гресснеръ,—онъ держалъ себя положительно, какъ человѣкъ. Если кто-нибудь изъ насъ былъ боленъ и ложился въ постель, то Томъ дежурилъ около больного по цѣлымъ часамъ и не сводилъ съ него глазъ стараясь выказать свое соболѣзнованіе или тѣмъ, что онъ лишній разъ лизнетъ руку больному, или положить ему на грудь свою голову, или же просто потрогаетъ его лапой. Когда получалась съ почты посылка отъ кого-нибудь изъ отсутствовавшихъ членовъ нашей семьи, то онъ приходилъ въ восторгъ, присутствовалъ при ея вскрытіи и долго носился съ ящикомъ изъ-подъ нея по всему дому, показывая его тѣмъ изъ нашихъ домочадцевъ, которые не присутствовали при ея вскрытіи. Томъ очень забавно игралъ съ моими дочерьми. Когда онѣ вязали, то онъ подкрадывался къ нимъ и, думая, что онѣ не замѣчаютъ его продѣлки, стаскивалъ у нихъ клубокъ шерсти, клалъ его въ свой огромный ротъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, принявъ самый равнодушный и невинный видъ, усаживался тутъ-же около нихъ, закрывъ свою пасть. Начинались поиски за пропавшимъ клубкомъ. Дѣвочки старались не показывать ему вида, что знаютъ, что клубокъ стащилъ именно онъ, и всюду

нарочно разыскивали его. Въ это время входилъ я. Увидѣвъ меня, Томъ плутовски подмигивалъ мнѣ, тайкомъ отъ моихъ дочерей открывалъ передо мною свою пасть и показывалъ мнѣ украденный имъ клубокъ, точно хотѣлъ мнѣ сказать:

— А клубокъ-то у меня! Только смотри, хозяинъ, не говори объ этомъ твоимъ дочерямъ.

А дочери въ это время дѣлали видъ, что устали искать, и наивно обращались къ собакамъ съ вопросомъ:

— Томъ, ты не знаешь, куда дѣвался клубокъ?

Томъ отворачивался и дѣлалъ глупѣйшее выраженіе своей морды.

Промучивъ такъ дочерей, онъ наконецъ сжаливался надъ ними и отдавалъ имъ назадъ ихъ клубокъ.

«Однажды я, продолжаетъ Гресснеръ, — отправился вмѣстѣ съ Томомъ на вокзалъ встрѣчать одного изъ своихъ знакомыхъ. Стоя на платформѣ, я смотрѣлъ на подходившій поѣздъ и жадно глядѣлъ на окна вагоновъ, стараясь въ одномъ изъ нихъ увидѣть своего друга. Томъ тоже глядѣлъ на окна, хотя и не понималъ, для чего это было нужно. Поѣздъ остановился. Тогда я крикнулъ Тому:— «Бѣги въ поѣздъ, осмотри всѣ вагоны, нѣтъ-ли тамъ кого-нибудь изъ своихъ!» Томъ вскочилъ въ поѣздъ и, сбивая съ ногъ пассажировъ, помчался по вагонамъ. Возвратился онъ грустный и разочарованный: онъ никого не нашель.

Другъ мой не пріѣхалъ. Съ этихъ поръ мы стали посылать Тома на вокзалъ одного встрѣчать нашихъ гостей, особенно въ ночное время. Какъ только поѣздъ останавливался у платформы, Томъ подходилъ къ нему, здоровался съ пріѣзжими повиливаніемъ хвоста, бралъ у нихъ чемоданъ и узелки и, гордо шествуя впереди, указывалъ имъ дорогу къ нашему дому. И онъ настолько былъ въ этомъ отношеніи послушенъ, что достаточно было сказать ему только:— «Томъ, иди на станцію!» и онъ тотчасъ же отправлялся встрѣчать гостей».

Насколько собаки бываютъ послушны, доказываетъ слѣдующій фактъ. У одного моего знакомаго былъ фоксъ-террьеръ по имени Франтикъ, который очень боялся высоты. Стоило только посадить его на подоконникъ и заставить его поглядѣть на улицу внизъ съ третьяго этажа, какъ Франтикъ начиналъ дрожать отъ страха всѣмъ тѣломъ. Эта трусость не нравилась моему знакомому и онъ пріучилъ его глядѣть на улицу внизъ съ пятаго этажа и при этомъ не съ подоконника, а съ той желѣзки, которая прибита у окна снаружи со стороны улицы. И нужно было при этомъ видѣть послушаніе Франтика. Хозяинъ подойдетъ къ окну, откроетъ его и затѣмъ тихонько, чуть слышно, скажетъ:

— Франтикъ, потрудитесь поглядѣть, что дѣлается на улицѣ!

И Франтикъ тотчасъ-же послушно

бѣжалъ къ окну, вскакивалъ на подоконникъ, спускался на желѣзку и, буквально дрожа всѣмъ своимъ тѣломъ отъ страха, глядѣлъ съ пятого этажа внизъ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ собакѣ въ высокой степени развито сознание долга. Въ особенности этимъ качествомъ отличается Ньюфаундлендская порода или водолазы. Эти собаки настолько кротки, честны и добросовѣстны, что въ Англии и въ Америкѣ, въ прибрежныхъ деревняхъ, имъ поручаютъ присмотрѣть за дѣтьми. И трудно себѣ придумать болѣе ревностныхъ нянекъ, чѣмъ онѣ. Съ утра и до вечера онѣ ходятъ по пятамъ порученныхъ ихъ присмотру дѣтей, оберегаютъ ихъ отъ опасностей, катаютъ ихъ на себѣ, а если ребенокъ зазѣвается и упадетъ случайно въ воду, то Ньюфаундлендская собака тотчасъ-же бросается вслѣдъ за нимъ и вытаскиваетъ его изъ воды. Извѣстенъ слѣдующій случай. Одной собакѣ этой породы, по имени Лордъ, былъ порученъ присмотрѣть за пятилѣтней дѣвочкой Фредой. Фреда гуляла по берегу моря, держа на рукахъ свою большую фарфоровую куклу, на которой были настоящіе волосы и у которой открывались и закрывались глаза. Лордъ всюду слѣдовалъ за своей маленькой госпожой, игралъ съ ней, каталъ ее на себѣ и какъ-то странно поглядывалъ на куклу. Затѣмъ они подошли къ самой водѣ. Дѣвочка оступилась и съ крикомъ ужаса упала прямо въ

море и стала тонуть. Кругомъ не было ни души. Тогда Лордъ бросился въ воду, схватилъ Фреду зубами за платье и вытащилъ ее на берегъ. Но Фреда все-таки была довольно тяжела и прежде чѣмъ вытащить ее на берегъ, Лордъ долго барахтался съ нею въ водѣ и она лишилась сознания. Тогда, не долго думая, онъ потащилъ ее домой. Бросивъ ее у порога хижины ея родителей и вызвавъ ихъ громкимъ, тревожнымъ лаемъ къ утопленницѣ, онъ со всѣхъ ногъ бросился обратно къ морю. Добѣжавъ до того мѣста, куда упала Фреда, онъ со всего разбѣга кинулся въ воду и нырнулъ на самое дно. Долго онъ оставался въ водѣ и когда наконецъ вынырнулъ на воздухъ, то въ зубахъ у него оказалась большая кукла Фреды. Съ радостнымъ визгомъ онъ помчался съ нею домой и, какъ и Фреду, положилъ на порогѣ хижины и сталъ звать громкимъ лаемъ своихъ хозяевъ. Но, занятые приведеніемъ въ чувство Фреды, они не обратили вниманія на лай Лорда. Кукла лежала на спинѣ съ закрытыми глазами. Тогда, потерявъ терпѣніе, Лордъ снова взялъ куклу въ зубы и уже не положилъ, а посадилъ ее. И вдругъ кукла открыла глаза. Лордъ подумалъ, что это она пришла въ себя, и такъ обрадовался, что сталъ выть на разные голоса.

Вообще Ньюфаундлендская собака чрезвычайно предана человѣку! Она особенно полезна бываетъ рыбакамъ, когда является необходимость до-

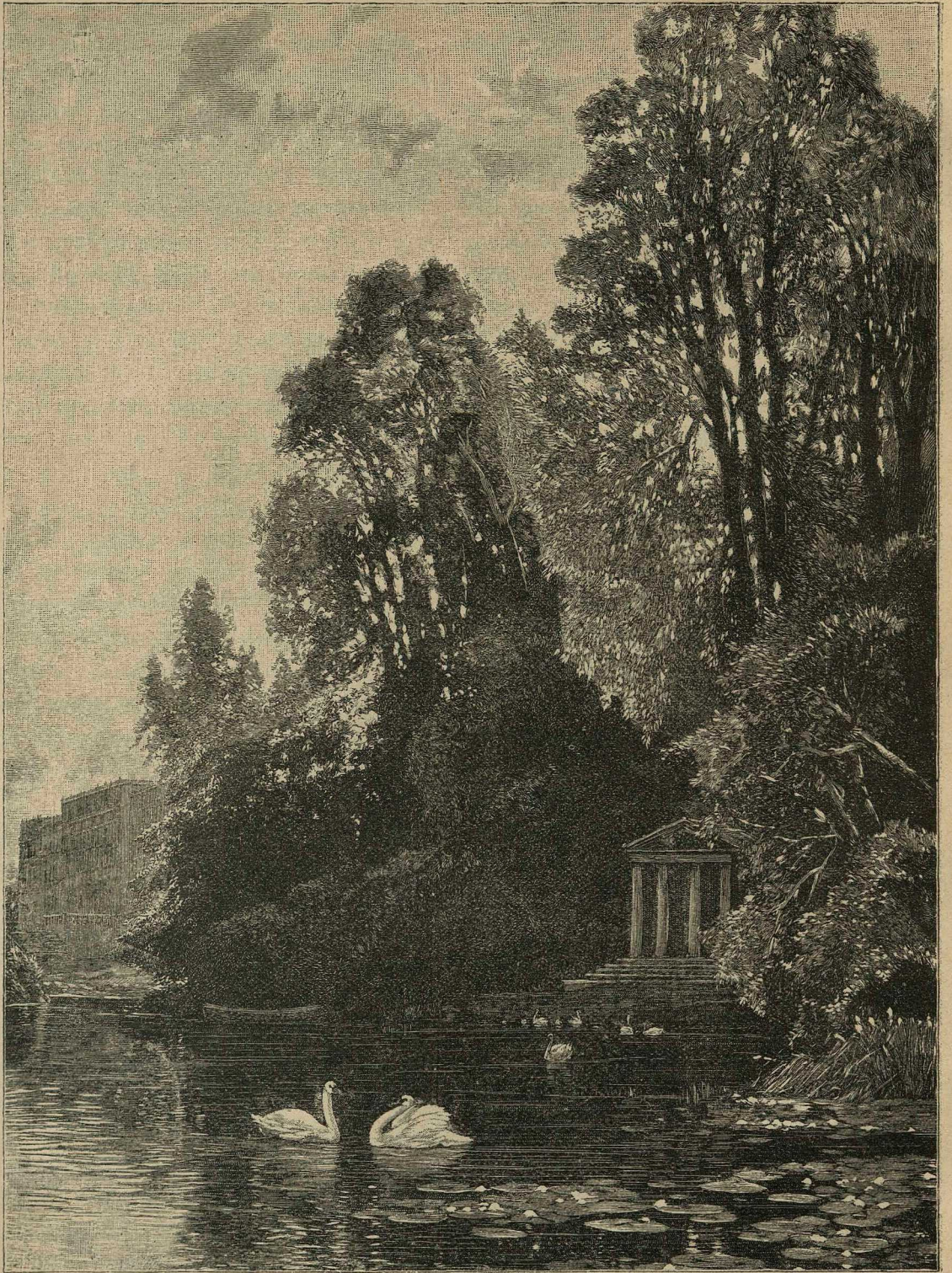
стать со дна затонувшія случайно снасти или поплыть въ догонку за сѣтями, которыя угнало въ море вѣтромъ. Она горячо любитъ воду, любитъ поплавать, понырять и можетъ оставаться на водѣ цѣлые часы. Она съ такою-же легкостью плыветъ и противъ теченія, какъ и за теченіемъ, и одинаково легко переноситъ и холодную воду съ плавающимъ въ ней льдомъ и лѣтнія жары. Она вытаскиваетъ изъ воды во время своихъ прогулокъ все, что привлечетъ ея вниманіе, и всякую свою находку не бросаетъ, а несетъ къ своему хозяину. Когда-же хозяинъ начнетъ съ ней купаться вмѣстѣ, то она приходитъ въ такой восторгъ, что часто утомляетъ его своими приставаніями: то она ласково толкаетъ его сзади, то заплываетъ передъ нимъ спереди, а то валитъ его въ водѣ и затѣмъ на своей спинѣ выноситъ къ берегу. Когда-же, выкупавшись, онъ выходитъ на берегъ, то она выскакиваетъ изъ воды, забѣгаетъ впередъ и, чтобы снова заставить его вернуться въ воду, хватается его бѣлье и заноситъ его куда-нибудь подалеже.

Но самая преданная человѣку собака—это Сенъ-Бернарской породы. Этихъ удивительныхъ собакъ разводять на вершинахъ Альпійскихъ горъ въ монастырѣ святого Бернара, расположенномъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зима продолжается чуть не девять мѣсяцевъ и гдѣ и лѣтомъ снѣгъ не всегда успѣваетъ растаять и превращается въ ледъ. Мона-

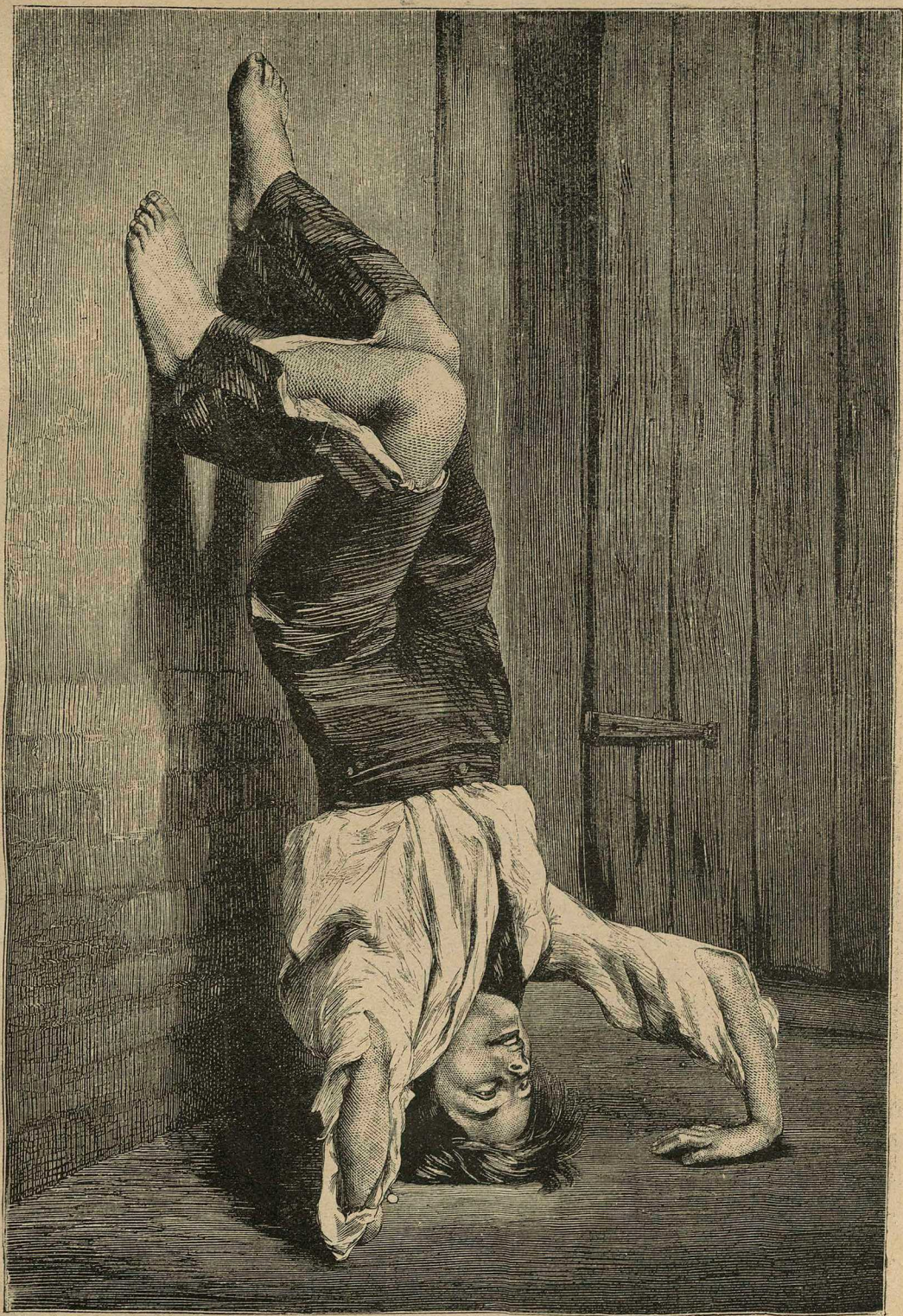
стырь этотъ находится на вершинѣ знаменитаго Сенъ-Готардскаго прохода изъ Швейцаріи въ Италію, по которому лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ происходило громадное движеніе пассажировъ и устремлялись и экипажи, и пѣшеходы, желавшіе попасть изъ Люцерна въ Миланъ. Проходъ этотъ извѣстенъ съ давняго времени. Имъ пробирался въ Италію еще карфагенскій полководецъ Ганнибалъ съ массою войскъ и даже со слонами, имъ не разъ проходилъ римскій консулъ Цезарь и имъ-же прошелъ въ 1799 году и нашъ знаменитый Суворовъ. Теперь этотъ проходъ почти заброшенъ, такъ какъ между Швейцарей и Италіей прорытъ уже знаменитый Сенъ-Готардскій туннель. Но тогда, полъ-вѣка тому назадъ, онъ представлялъ собою единственное мѣсто въ Альпійскихъ горахъ, по которому можно было черезъ нихъ перейти. Путешествіе по этому перевалу возможно было только лѣтомъ, осенью-же и зимою всѣ дороги и тропинки на немъ были занесены снѣгомъ, съ горъ сваливались цѣлыя снѣжныя лавины и засыпали собою путниковъ. Они или проваливались въ какую-нибудь непредвидѣнную бездну, или сбивались съ дороги и замерзали гдѣ-нибудь у голой скалы, или же оставались лежать подъ снѣгомъ, тщетно надѣясь на чью-нибудь помощь. И вотъ съ VIII вѣка на вершинѣ Альпійскихъ горъ былъ построенъ монастырь св. Бернара, монахи котораго должны были отыски-

вать въ горахъ такихъ погибающихъ путниковъ, приводить ихъ въ чувство и относить къ себѣ въ монастырь. Съ тѣхъ поръ ежедневно два монаха берутъ съ собою собакъ и обходятъ съ ними всѣ ненадежныя мѣста. Впереди нихъ бѣгутъ собаки, нюхаютъ воздухъ, обнюхиваютъ каждый подозрительный предметъ и, понавъ на человѣческій слѣдъ, съ громкимъ лаемъ бѣгутъ по нему, роютъ снѣгъ, прислушиваются и ищутъ. Найдя замерзающаго человѣка, онѣ начинаютъ разгребать вокругъ него снѣгъ, лижутъ своими теплыми языками ему лицо и руки и стараются обратить его вниманіе на флаконъ вина, привѣшенный къ ихъ ошейнику. Затѣмъ съ радостнымъ визгомъ онѣ бѣгутъ къ монаху, тащутъ его къ своей находкѣ и помогаютъ ему откопать ее изъ снѣга и доставить въ монастырь. И много такихъ несчастныхъ путниковъ спасли эти собаки. Но самую необыкновенною изъ всѣхъ Сень-бернарскихъ собакъ была безспорно Барри. Она нашла и откопала изъ-подъ снѣга болѣе семидесяти человѣкъ, она возвратила къ жизни нѣсколькихъ женщинъ и дѣтей и однажды нашла засыпаннымъ лавиной цѣлый дилижансъ съ пассажирами и лошадьми. Уже будучи старой и больной, она почуяла изъ монастыря на нѣсколько верстъ впереди пропавшаго ребенка, выбѣжала изъ монастыря, пропала на нѣсколько часовъ и возвратилась обратно съ драгоценной ношей на спинѣ. Полу-

замерзшій мальчикъ, найденный ею и откопанный ею изъ-подъ снѣга, сидѣлъ у нея верхомъ на спинѣ и обхвативъ обѣими рученками ее за шею, сладко на ней дремалъ. Она сумѣла его такъ принести, что онъ не свалился съ нея и могъ на ней заснуть. И на самой вершинѣ Альпійскихъ горъ, недалеко отъ Сень-бернарскаго монастыря, красуется теперь памятникъ, поставленный благодарнымъ человѣчествомъ этой благородной, самоотверженной собакѣ. На немъ изображенъ Барри съ ребенкомъ на спинѣ, дергающій зубами за звонокъ у калитки монастыря. Внизу—слѣдующая надпись: «Самой славной изъ всѣхъ собакъ была Барри, благодѣтельница Сень-Бернарскаго монастыря. Да, Барри, ты была лучшей изъ собакъ, лучшимъ изъ всѣхъ животныхъ! Ты была великодушной, челоѣколюбивой собакой, ты имѣла состраданіе къ несчастнымъ! Ты спасла жизнь болѣе, чѣмъ ста человѣкамъ! Съ корзиночкой на шеѣ, въ которой лежалъ хлѣбъ и стклянка съ виномъ, ты каждый день выходила изъ монастыря въ снѣжную бурю и въ непогоду и отыскивала занесенныхъ снѣгомъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Если тебѣ самой не подъ силу было отрыть ихъ, то ты возвращалась домой и громкимъ лаемъ звала къ себѣ на помощь монаховъ. Ты не выкапывала могилъ для мертвыхъ, но ты воскрешала живыхъ. Какъ полный участія челоѣкъ, ты умѣла возбудить къ себѣ

Въ паркѣ.

Точно такъ представляли въ циркѣ.

довѣріе даже въ маломъ ребенкѣ, иначе малютка-мальчикъ, котораго ты нашла и вырыла изъ-подъ снѣга, никогда не отважился-бы влѣзть къ тебѣ на спину, чтобы ты доставила его въ свой гостепріимный монастырь. Прибѣжавъ къ вратамъ святой обители, ты звонила въ колоколь, чтобы передать свою драгоценную ношу монахамъ, и снова отправлялась на поиски за несчастными. Каждое удававшееся тебѣ спасеніе дѣлало тебя счастливой, и ты умерла, какъ воинъ на своемъ посту, пожертвовавъ своею жизнью для другихъ».

А какія нѣжныя материнскія чувства у собакъ! Возвращаюсь къ той же нашей маленькой, желтенькой собачкѣ Фисташкѣ. Мой отецъ задумалъ переѣхать на жительство съ дальняго юга на дальній сѣверъ. Онъ купилъ себѣ въ одной изъ сѣверныхъ губерній клочекъ земли, построилъ на немъ усадьбу, въ которой и протекло мое дальнѣйшее дѣтство. Незадолго до переѣзда въ нее, онъ продалъ свой домъ на югѣ: усадьба была еще неготова и мы должны были на время поселиться у нашего сосѣда. Въ самый день нашего переѣзда къ нему у нашей Фисташки родились щенки. Не желая ее беспокоить, мама оставила ее въ нашемъ бывшемъ домѣ одну.

На утро къ намъ прибѣжала Фисташка, посетилась, повиляла хвостомъ и поѣла. Затѣмъ мы увидѣли, какъ она стала переносить въ зубахъ своихъ щенятъ по одиночкѣ къ намъ на новую квартиру. Перенеся ихъ всѣхъ четырехъ, она устроила ихъ въ уголку въ кухнѣ подъ столомъ и такъ и не покидала ихъ, пока они не выросли настолько, что ихъ можно было раздать знакомымъ и уѣхать на сѣверъ, захвативъ съ собой и ихъ мать.

«Собака умѣетъ любить хозяина даже и тогда, когда онъ ей причиняетъ зло, говоритъ индѣйская мудрость. — Сколько разъ человѣку нужно было-бы брать примѣръ съ собаки, но онъ иногда бьетъ собаку зря, чтобы доказать ей, что онъ человѣкъ».

И мы часто и сами бываемъ несправедливы къ окружающимъ насъ животнымъ и, не умѣвъ воспитать ихъ, предъявляемъ къ нимъ такія требованія, которыя они не могутъ исполнить, хотя-бы и хотѣли. И когда собака приходитъ къ намъ, ласково виляетъ передъ нами хвостомъ и нѣжно заглядываетъ намъ въ глаза, мы отворачиваемся отъ нея и гонимъ ее отъ себя прочь только потому, что она грязна.

С. Вершининъ.

Не ищи славы въ безславіи другихъ.

Не напоминай кающемуся про его прежнія прегрѣшенія.

(Талмудъ).

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Вчера еще осень стучалась
 Къ намъ въ окна унылымъ дождемъ,
 А ночью земля вся убралась
 Пушистымъ и бѣлымъ ковромъ.
 И только проснувшись, къ оконцу
 Съ постели дѣтишки спѣшатъ...
 Такъ много и свѣта, и солнца!
 Скорѣй одѣваться и въ садъ!
 Какъ все тутъ знакомо имъ съ лѣта!..
 Вотъ тамъ была грядка цвѣтовъ,
 Теперь-же кругомъ все одѣто
 Въ блистающій снѣжный покровъ!
 Бѣгутъ ребятишки по саду
 Другъ друга за ручку держа.
 — А, помнишь, вотъ здѣсь у ограды
 Мы какъ-то поймали ежа?

— А здѣсь у садовой калитки.
 Гдѣ такъ мы любили играть,
 Разъ, помнишь?—ползли двѣ улитки
 И мы побоялись ихъ взять?
 А дальше—знакомыя ели
 Въ убранствѣ мохнатыхъ вѣтвей...
 — А здѣсь вотъ висѣли качели
 Въ тѣни молодыхъ тополей!
 И все такъ знакомо-знакомо,
 Хоть снѣгомъ покрыто сейчасъ:
 И крыша сосѣдняго дома,
 И крыши стеклянныхъ террасъ!..
 Морозъ незамѣтно крѣпчаетъ,
 Снѣжинки блистаютъ сильнѣй
 И весело солнце играетъ
 Въ нихъ сотнями разныхъ огней.

Е. Селунская.

НА ЧУЖБИНѢ.

Повѣсть.

Все залитое солнечнымъ свѣтомъ,
 Черное море тихо плескалось у бе-
 реговыхъ камней и длинными, пѣни-
 стыми валами взбѣгало на широкой,
 мягкій, песчаный берегъ. Вдалекѣ,
 виднѣлись красивыя дачи, ярко оза-
 ренныя солнцемъ, и точно дремали,
 закрывъ свои ставни и опустивъ на
 окнахъ маркизы. Казалось, все за-
 мерло въ истомѣ жаркаго дня.

Но вотъ часы пробили семь. Въ
 одной изъ дачъ дверь тихонько отво-

рилась и, озираясь по сторонамъ, на
 террасу тихонько выбѣжала малень-
 кая дѣвочка, лѣтъ девяти, смуглая,
 какъ цыганочка, съ черными курча-
 выми волосами и съ быстрыми, по-
 хожими на вишенки, глазами. Она
 шла на цыпочкахъ и оглядывалась
 такъ, точно боялась, что кто-нибудь
 ей можетъ помѣшать.

И вдругъ кто-то ее окликнулъ:

— Соня! Соня!

Она вздрогнула и обернулась.

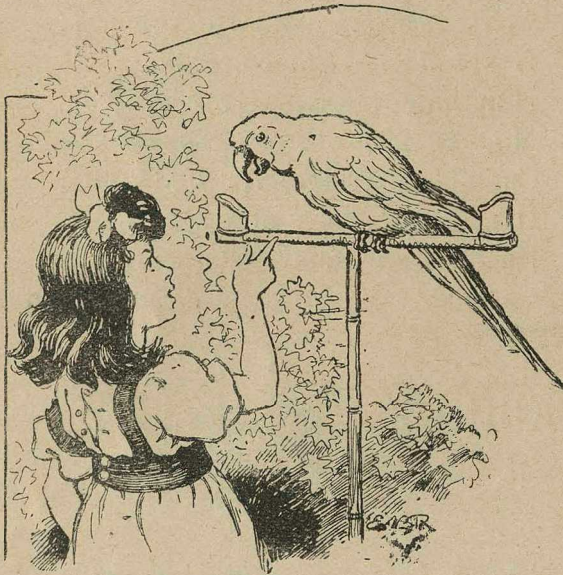
Это былъ попугай, сидѣвшій на жердочкѣ въ уголку на террасѣ. Завидѣвъ ее, онъ окликнулъ ее и тѣмъ ее смутилъ.

— Да помолчи ты, глупый! погрозила она ему пальчикомъ. — Тебя вовсе здѣсь не спрашиваютъ!

Но попугай не унимался и кричалъ:

— Соня! Соня!

— Да вѣдь ты такъ поднимешь на ноги весь домъ! воскликнула дѣвочка и нахмурила брови. — Сейчасъ

— Да вѣдь ты такъ поднимешь на ноги весь домъ!

выбѣжитъ Агаша и не позволитъ мнѣ выходить одной!

Но ярко зеленый попка не обратилъ на ея слова ни малѣйшаго вниманія и все еще продолжалъ выкрикивать ея имя. Тогда она сбѣжала съ террасы въ садъ, изъ сада выбѣжала къ морю и, боясь, чтобы ея не увидѣли изъ оконъ, опустилась

на влажный песокъ и стала въ него играть. По вечерамъ ей не позволялось это дѣлать. И теперь, воспользовавшись отсутствіемъ своей няни Агаши, она выбѣжала къ самому морю въ легкихъ открытыхъ туфелькахъ, въ коротенькихъ чулочкахъ и въ бѣломъ кисейномъ платьицѣ, похожая на тѣхъ бѣленькихъ морскихъ птичекъ, которыя часто летаютъ высоко въ небѣ, ярко блистая на солнцѣ своими бѣлоснѣжными крыльями.

Наигравшись досыта, она отошла отъ моря поближе къ берегу и растянулась на зеленой травѣ. Лежа на спинѣ, она глядѣла въ небесную высь и стала мечтать о томъ, какъ бы далеко она улетѣла и какія бы очаровательныя путешествія совершила, если бы у нея были такія же крылья, какъ у чаекъ, или если бы она была стрекозой. Сколько бы дней потребовалось ей тогда для того, чтобы перелетѣть отсюда на Дальній Востокъ, гдѣ теперь находился ея отецъ, отправившійся туда на золотые прииски? Онъ уѣхалъ туда еще въ прошломъ году, въ надеждѣ возвратиться скоро и богатымъ, и вотъ уже столько времени его нѣтъ. Онъ былъ у нея только одинъ, она очень любила его и теперь каждый день вспоминала о немъ и скучала по немъ такъ, что часто проливала горькія слезы.

Матери у Сони не было. Она умерла вскорѣ же послѣ ея рожденія. И ребенокъ всю свою привязанность перенесъ на отца. Соня при-

вязалась къ нему такъ, какъ только можетъ привязаться дѣвочка, созданная для того, чтобы безконечно любить свою мать и лишившаяся ея еще въ раннемъ дѣтствѣ. И вотъ отецъ отъ нея уѣхалъ такъ далеко, такъ на долго и она осталась безъ него одна. Чтобы отвлечь ея отъ мыслей объ умершей матери, онъ исполнялъ малѣйшія ея прихоти. Зная, какъ она любитъ свой домашній очагъ и свободу, онъ рѣшилъ не отдавать ея въ пансіонъ или въ чужіе люди на время своего отсутствія и не довѣрилъ ея также и своему старшему брату, ея дядѣ, который былъ вдовъ и со своимъ единственнымъ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ жилъ гдѣ-то въ далекой глуши, въ своей усадьбѣ, окруженный старыми слугами, которые его боялись и исполняли малѣйшія его прихоти.

— Она тамъ будетъ тосковать, думалъ о Сонѣ отецъ.— Тамъ все для нея будетъ чуждо и тяжело.

И вотъ онъ рѣшилъ помѣстить ея въ Крыму, на своей собственной дачѣ, вмѣстѣ съ няней Агашей, которая выросила ея на своихъ рукахъ.

Съ самаго дня его отъѣзда, Соня потеряла свою веселость. Она приуныла, никто уже больше не слышалъ ея пѣсенъ, которыя она раньше такъ громко распѣвала на весь домъ, и ласки ея Агашы уже больше ея не развлекали. Она жила своей собственной, уединенной жизнью и только вела разговоры съ попугаемъ Бобкой, котораго купилъ ей для развлечения

ея отецъ. Но мало-по-малу и она сама привыкла къ своему положенію, и няня Агаша стала считать, что такъ и должно быть. Отецъ часто къ ней писалъ. Въ своихъ письмахъ къ ней онъ не скрывалъ отъ нея ничего, онъ бесѣдовалъ съ ней, точно съ равной себѣ и взрослой, о своихъ будущихъ планахъ, а она отвѣчала ему письмами въ шесть или восемь страницъ, въ которыхъ изливала передъ нимъ всю свою душу.

Въ этотъ день Соня встала еще въ семь часовъ утра. Въ восемь часовъ утра обыкновенно приносили почту и она ожидала, что будетъ что-нибудь и отъ ея отца. Онъ не писалъ ей уже цѣлыя двѣ недѣли. За все это время пришло только одно письмо, да и то было со штемпелемъ изъ Ярославской губерніи. Оно было адресовано на имя Агашы. Няня прочитала его, смутилась, залилась слезами, но постаралась скрыть отъ Сони его содержаніе.

— Что же въ этомъ письмѣ было? думала Соня.— Отчего няня стала плакать?

Но письмо отъ отца такъ и не пришло.

И вотъ она лежала теперь на травѣ, напѣвала тихонько для одной себя, смотрѣла на безбрежное море, думала о своемъ отцѣ, о томъ письмѣ, которое заставило няню плакать, и безумно хотѣла умѣть летать, чтобы полетѣть на Дальній Востокъ и узнать, отчего не пишетъ папа.

Вдругъ сзади нея раздались чьи-

то шаги. Она приподнялась и хотѣла посмотрѣть, кто это идетъ. Но заходившее солнце било ей прямо въ глаза и ослѣпляло ее.

Кто бы это могъ быть?

Прямо къ ней подходилъ высокій мальчикъ лѣтъ двѣнадцати съ насмѣшливымъ выраженіемъ губъ. Онъ близко подошелъ къ ней и остановился около нея, заложивъ руки за спину.

— Кто ты? спросила его Соня.—
Что ты здѣсь дѣлаешь?

Онъ измѣрилъ ее снисходительнымъ взглядомъ и отвѣтилъ:

— Такъ вотъ какая ты стрекоза! А я думалъ, что ты побольше! Ты еще совсѣмъ маленькая.

Соня поднялась на ноги. Это обидѣло ее.

— Кто ты? вновь задала она вопросъ.

— Я Боря Леонтьевъ, твой двоюродный братъ, отвѣтилъ онъ.—Я изъ Ярославской губерніи.—Ну, пой, пой, стрекоза!

Какъ? Это тотъ самый Боря, о которомъ ей не разъ говорилъ ея отецъ? Это тотъ Боря, который все время жилъ со своимъ отцомъ, ея дядей, гдѣ-то въ далекой глуши въ Ярославской губерніи, гдѣ нѣтъ ни этихъ горъ, ни этого голубого, прекраснаго моря, ни этихъ цвѣтовъ, а все одни только дремучіе лѣса, въ которыхъ бѣгаютъ волки и лисицы и иногда реветъ проголодавшійся медвѣдь! Такъ вотъ онъ, этотъ несчастный мальчикъ, котораго ей было

всегда такъ жалъ! И ей вдругъ захотѣлось броситься къ нему на шею, взять его за руку, поводить его по интереснымъ мѣстамъ и разспросить его о немъ самомъ. Но онъ все еще стоялъ передъ ней, заложивъ руки назадъ, и измѣрялъ ее насмѣшливымъ взглядомъ.

— Ты здѣсь одинъ? спросила она.

— Нѣтъ, съ папой. Мы приѣхали за тобой.

— За мной?

— Да, за тобой. Развѣ тебѣ не говорила няня, что ты теперь будешь жить у насъ?

Соня смутилась. Что-то грустное отозвалось вдругъ у нея въ душѣ.

— У васъ?.. спросила она.—Гдѣ?

— Разумѣется въ нашей усадьбѣ, въ Ярославской губерніи, отвѣчалъ онъ.—Уже давно такъ рѣшено. Твой папа писалъ моему, что онъ прогорѣлъ и что у него больше нѣтъ ни одной копѣйки денегъ. Онъ продаетъ эту вашу дачу и такъ какъ теперь тебѣ больше некуда дѣваться, то онъ и проситъ насъ взять тебя къ себѣ.

Соня почувствовала, какъ у нея зашевелились губы и какъ слезы навернулись ей на глаза. Какую странную вѣсть принесъ ей этотъ мальчикъ! Значитъ, то письмо, которое получила на прошлой недѣлѣ Агаша, и было отъ его отца. Но почему же она не сообщила ей ничего? Зачѣмъ она скрывала отъ нея эту тяжелую вѣсть?

И вотъ теперь неожиданно Боря

сообщилъ ей то, что отъ нея такъ тщательно скрывали, и это оказалось хуже, чѣмъ если бы она знала уже все. Она стала плакать.

— Ну, вотъ и слезы! воскликнулъ съ пренебреженіемъ Боря.—Сейчасъ видно дѣвчонку!

Но Соня не могла уже больше сдержаться, закрыла обѣими руками лицо и стала громко рыдать. Боря смотрѣлъ на нее и наконецъ сказалъ:

— Будетъ тебѣ плакать! Пойдемъ лучше играть! Кстати вонъ идетъ и мой папа!

Лишившійся рано своей горячо любимой жены и потерявъ свою единственную дочь, тоже Соню, которая умерла отъ скарлатины, отецъ Бори— Григорій Петровичъ весь сразу какъ-то ушелъ въ самого себя, опустился, махнулъ на все рукой, забросилъ свое хозяйство и воспитаніе Бори и сталъ по цѣлымъ днямъ молчать. Видно было, что онъ глубоко страдалъ, тосковалъ по дочери и по женѣ и что вмѣстѣ съ ними ушло отъ него то, что привязывало его къ жизни.

Увидѣвъ дядю, Соня быстро отерла слезы и пошла къ нему на встрѣчу. Его печальный, угрюмый видъ смутилъ ее и въ то-же время возбудилъ въ ней жалость.

— Ну, здравствуй, племянница!.. обратился къ ней дядя и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Она присѣла передъ нимъ и коротко отвѣтила:

— Здравствуйте, дядя!

Затѣмъ онъ сказалъ ей, что пріѣхалъ за ней, что теперь она будетъ жить у него и что завтра-же они отправятся далеко къ нему въ усадьбу. Когда онъ говорилъ ей это, она шла сбоку его и теплыя слезы струились у нея по щекамъ и падали на песокъ.

Затѣмъ насталъ вечеръ и они пили на террасѣ чай. Внизу, у берега плескалось море, кричали цикады, небо было похоже на большую бархатную подушку, утыканную брилліантовыми булавками, и откуда-то сбоку доносились звуки музыки. Было тихо и прекрасно въ природѣ, но на душѣ у Сони было тяжело. А когда отпили чай и гости ушли къ себѣ въ комнату спать, то Соня бросилась къ нянѣ на шею и долго сидѣла у нея на колѣняхъ и молчала. Няня раздѣла ее, уложила ее въ постельку, но ей было такъ горько и такъ одиноко самой, что она снова усадила ее къ себѣ на колѣни и такъ и провели онѣ время до двѣнадцати часовъ вдвоемъ, обнявшись другъ съ дружкой и понимая одна другую и безъ словъ.

Теперь для нихъ обѣихъ было ясно, что онѣ были для всѣхъ чужія и что больше имъ уже не откуда ждать поддержки и придется разстаться навсегда.

И Боря Леонтьевъ оказался правымъ: Соня была стрекозой, безъ крова, безъ пищи, для всѣхъ чужая и теперь ее ожидало неизвѣстное будущее, въ глуши, гдѣ она уже не

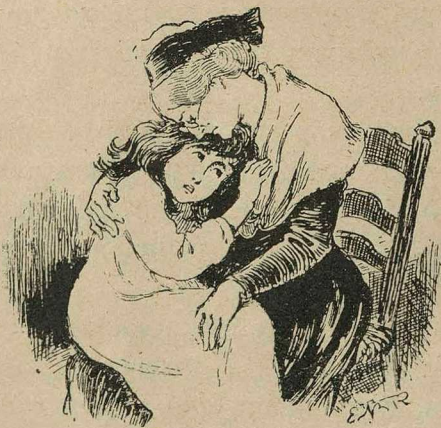

— Такъ вотъ какая ты стрекоза!

увидитъ больше ни этихъ горъ, ни этого моря, ни своей няни, съ которой она жила вотъ уже девять лѣтъ.

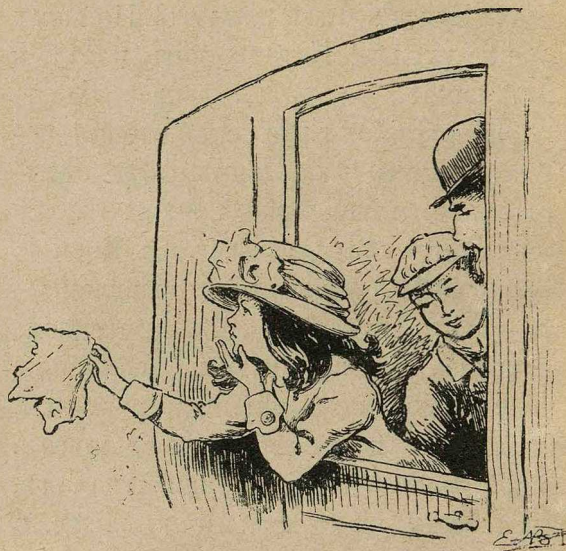
Какъ-то она запоетъ въ чужихъ краяхъ?

Соня заснула только подь утро. Когда-же она проснулась, то было уже поздно и дядя Григорій Петровичъ съ Борей уже собирались уѣз-

Теперь для нихъ обѣихъ было ясно, что онѣ были для всѣхъ чужія.

жать. Ну, стоило-ли прѣзжать такъ не надолго! Но у дядюшки были свои расчеты и всѣ его вещи были уже увязаны и вынесены въ садъ. Няня Агаша съ опухшими отъ слезъ глазами, которая она едва умѣла скрывать, собрала Соню въ путь и свела ее на дворъ, гдѣ ее ожидали дядя и двоюродный братъ въ поданной для нихъ каретѣ. И, какъ и наканунѣ, на террасѣ кричалъ попугай:

— До свиданія, нянечка! закричала она.

— Соня, Сонечка, Соня.

Дѣвочка усѣлась въ карету, взглянула въ послѣдній разъ на свой домъ, весь заросшій вьющимися розами, высунулась изъ окошка, поцѣловала няню—и карета отправилась въ путь.

— Прощай, Сонечка! крикнула ей няня.

Она перегнулась изъ окошка и замахала ей платкомъ.

Послѣ ванны.

— До свиданія, нянечка! закричала она.—Оставайся съ Богомъ!

Карета быстро покатила по дорогѣ и скоро дача скрылась за поворотомъ и исчезла на вѣки за густыми деревьями.

— Батюшки! спохватилась Соня.— Я и забыла взять съ собою свою куклу! Она осталась на террасѣ на столѣ!

Ей хотѣлось выскочить изъ кареты и побѣжать скорѣе за куклой домой, но дядюшка остановилъ ее и усадилъ на мѣсто.

— Успокойся, сказалъ онъ.— Намъ дорога каждая минута, мы должны спѣшить, а то опоздаемъ на пароходъ... Я куплю тебѣ новую куклу.

Но свою старую куклу Соня не согласилась-бы промѣнять и на тысячу новыхъ, а потому сухо поблагодарила дядю и забилась въ уголокъ кареты.

Горы, скалы, вѣковые лѣса потянулись мимо нея, вдаль сверкало голубое море и внизу, въ садахъ, кипали вершинами темно-зеленые кипарисы. Но Сонѣ было горько и обидно, что ее какъ-то сразу, неожиданно, вырвали съ корнемъ изъ этого мѣста и везутъ куда-то далеко, гдѣ все ожидаетъ ее чужое. Почему вмѣстѣ съ нею не поѣхала ея няня Агаша? Отчего дядя и Боря не взяли и ея съ собой?

Но ей было неизвѣстно, что ея отецъ на Дальнемъ Востокѣ разорился въ конецъ, что ихъ дачу въ Крыму отбирали за долги и что

нянѣ-Агашѣ уже данъ расчетъ и предложено идти, куда глядѣли ея глаза.

Но вотъ уже и Ялта. Яркое утро. По берегу сверкаютъ своею бѣлизною постройки. Кругомъ обступили горы и хмурятся. У мола стоитъ большой пароходъ и дымитъ. На пристани экипажи, суета. Ихъ карета подъѣзжаетъ прямо къ пароходу, татаринъ беретъ ихъ вещи и вотъ они на палубѣ. Раздаются свистки, снимаютъ сходни и пароходъ медленно отчаливаетъ отъ берега. Ялта постепенно удаляется отъ него и скоро тонетъ въ голубой дали. Затѣмъ тянутся съ одной стороны лиловыя горы, а съ другой—безбрежное море, выскакиваютъ изъ воды дельфины и кувыркаются въ воздухѣ, и все время Соня сидитъ у борта, смотритъ не мигая на берегъ, но не видитъ ничего. Передъ ея духовными очами стоитъ ея дача, на террасѣ, на ступенькѣ, сидитъ ея няня Агаша и горько плачетъ.

Увидятся-ли онѣ когда-нибудь? Куда дѣнется теперь осиротѣвшая Агаша?

А затѣмъ пароходъ приходитъ въ Севастополь. Дядя, Боря и Соня выходятъ изъ него, ѣдутъ на вокзалъ, садятся въ вагонъ и вотъ поѣздъ везетъ ихъ далеко на сѣверъ. Туннели, мосты, голыя крымскія степи, потомъ Харьковъ, Курскъ и наконецъ Москва проходятъ мимо Сони точно во снѣ. Она приходитъ въ себя только тогда, когда поѣздъ

останавливается на одной изъ станцій передъ Ярославлемъ и когда всѣ они выходятъ изъ вагона и снова садятся въ экипажъ. Но это уже не крымскій, щегольской фаэтонъ, запряженный парюю лошадей. Это простой, обшарканный, мужицкій тарантасъ, отъ котораго пахнетъ дегтемъ и который весь покрытъ грязью на палець. Въ него запряжены три ломатя лошади съ бубенцами и подъ дугою виситъ колокольчикъ. Въ грубой, поношенной одеждѣ ямщикъ вылезаетъ на козлы, они садятся въ неудобный тарантасъ, лошади стаскиваютъ его съ мѣста и по грязной, выбитой дорогѣ тянутъ куда-то въ пространство. Съ боковъ ползутъ все кустарники и лѣса и похожія другъ на дружку березы и цѣлыя версты тянется одна и та же картина. Сейчасъ то-же, что было и часъ тому назадъ, и черезъ часъ будетъ то-же, что и сейчасъ. Жалкія, сѣрыя деревеньки попадаютъ на пути и приходится переѣзжать черезъ такіе мостки, что такъ и кажется, что они подломятся подъ тарантасомъ. Утомительно звонитъ колокольчикъ, лошади шлепаютъ копытами по грязи и помахиваютъ подвязанными въ узелки хвостами. Ямщикъ дремлетъ, а потомъ вдругъ просыпается, хлещетъ ни съ того, ни съ сего по лошадямъ и, чтобы показать сѣдокамъ, что онъ вовсе не спитъ, весело покрикиваетъ:

— Эхъ, вы, милыя!

Но вотъ наступаетъ ночь. Все

утопаетъ въ ея безпросвѣтной, осенней глубинѣ и, утомленная длинной дорогой, Соня засыпаетъ. Она слышитъ сквозь сонъ, какъ тарантасъ прыгаетъ по кочкамъ, какъ что-то твердое давитъ ей въ бокъ и какъ отекала у нея рука, но усталость беретъ свое и она спитъ и видитъ во снѣ свою дачу, море, кипарисы и голубыя горы, заходящія за облака.

— Вставай! Приѣхали! вдругъ слышитъ она голосъ Бори.

Она просыпается, протираетъ глаза, поднимаетъ голову и видитъ себя у крыльца какого-то сѣраго дома. Кругомъ шумятъ деревья. На порогѣ стоитъ человекъ, высоко поднявъ надъ головою свѣчу, и ея пламя, колеблемое вѣтромъ, окрашиваетъ лица и лошадей въ какой-то фантастическій свѣтъ. Лаютъ злыя собаки. Окончивъ свой длинный путь, лошади встряхиваютъ головами и громко бренчатъ бубенчиками.

— Выходи-же, мы приѣхали! повторяетъ Боря.

Соня вылезаетъ изъ тарантаса и отъ долгаго сидѣнья въ неудобной позѣ не можетъ твердо ступить ногами на землю.

— Который часъ? спрашиваетъ дядя.

— Половина двѣнадцатаго! отвѣчаетъ человекъ со свѣчкой.

— Ого! говоритъ дядя.—Значитъ мы ѣхали на лошадяхъ цѣлые одиннадцать часовъ.

«Одиннадцать часовъ», думаетъ Соня.— «Какъ далеко мы заѣхали!»

Она поднимается по ступенямъ и входитъ въ домъ. Да домъ-ли это? Бѣлыя, оштукатуренныя стѣны, на которыхъ не виситъ ни одной картинки, не вбито ни одного гвоздя. Старая-старая мебель чинно тянется вдоль стѣнъ. Полы скрипятъ подъ ногами и кругомъ стоитъ такой запахъ, точно въ этомъ домѣ не жили никогда. Въ комнатахъ холодно и сыровато и похоже на то, будто хозяевъ не ждали. На столѣ грустно мерцала печальная свѣча и слабо освѣщала большую, просторную комнату. Видно было, что здѣсь не доставало женщины, которая вела бы хозяйство и которая всему сумѣла бы придать ласковый видъ.

— Иди, иди смѣлѣ! сказалъ двоюродной сестрѣ Боря.

Она пошла вслѣдъ за дядей. Онъ прошелъ цѣлый рядъ все такихъ-же просторныхъ и пустынныхъ комнатъ и ввелъ ее наконецъ въ свой кабинетъ. Здѣсь было довольно уютно, чисто, стояла хорошая мебель и на стѣнѣ висѣло два большихъ портрета въ натуральную величину. На одномъ изъ нихъ была нарисована красивая женщина съ букетомъ въ рукахъ, — это была покойная жена дяди, а на другомъ — очаровательная дѣвочка — его дочь.

— Ты помѣстишься пока здѣсь на диванѣ... обратился къ Сонѣ дядя.

Вошелъ молодой человекъ въ черномъ сюртукѣ, съ симпатичнымъ лицомъ, и радостно привѣтствовалъ прибывшихъ.

— Здравствуйте, дорогой Иванъ Игнатьичъ, отвѣтилъ на его привѣтствіе дядя. — Боря, что-же ты не подойдешь къ своему учителю?

Боря нехотя подошелъ къ Ивану Игнатьичу и сухо съ нимъ поздоровался.

— Должно быть, вы устали съ дороги... сказалъ учитель. — Съ утра все время шель дождь, всюду грязь и какъ-то сразу вдругъ похолодѣло... Я ужъ приказалъ въ вашемъ кабинетѣ истопить печь.

— Это хорошо... отвѣтилъ дядя и со вздохомъ опустился въ кресло.

Было замѣтно, что онъ очень усталъ. Учитель ушелъ, Боря тоже куда-то вышелъ и Соня осталась одна. На нее никто не обратилъ вниманія и она была предоставлена самой себѣ. Затѣмъ дядя поднялся съ кресла, тоже вышелъ и скоро возвратился съ простыней, подушкой и одѣяломъ въ рукахъ.

— Вотъ тебѣ, племянница, постель... обратился онъ къ Сонѣ. — Устройся здѣсь на диванѣ, застели его простыней и постарайся съ дороги заснуть поскорѣ!

Онъ положилъ подушку и одѣяло на диванъ и ушелъ. Соня устроила себѣ постель, раздѣлась и улеглась въ нее. Она была нечесана уже третьи сутки и завтра ей слѣдовало бы перемѣнить бѣлье. Но она не знала, ни гдѣ лежитъ ея гребешокъ и ленточки для косъ, ни гдѣ спрятано ея бѣлье. Она легла на диванъ и

укрылась одѣяломъ съ головой. Скоро усталость взяла свое и она крѣпко заснула. Но среди ночи она проснулась и уже не могла заснуть до утра. При свѣтѣ ночника, который внесъ кто-то еще съ вечера въ кабинетъ, она глядѣла на портреты своей тети и двоюродной сестры и онѣ казались ей живыми и мигали глазами. Дулъ вѣтеръ и завывалъ въ щели еще не замазанныхъ на зиму оконъ. Скребались мыши подъ поломъ и казалось, что кто-то ходитъ за стѣной. Это былъ ея дядя, который страдалъ безсонницей и отъ усталости не могъ заснуть и всю ночь взадъ и впередъ проходилъ по своей спальнѣ, но ей казалось, что это привидѣнія, и она становилась на постели на колѣнки, складывала ручки ладонями вмѣстѣ и жалобно говорила:

— Господи, гдѣ я? Куда меня завезли? Спаси меня и сохрани!

А въ это время въ Крыму ласково плескалось море, было тепло, кричали цикады и пахло какими-то очень душистыми цвѣтами. Но и тамъ, въ этомъ счастливомъ краю, гдѣ Богъ создалъ все для счастья людей, на ступенькѣ террасы въ эту самую ночь сидѣла темная фигура и грустно глядѣла на глубокое пространство.

Это была няня Агаша.

— Гдѣ-то Соня теперь? Куда ее увезли! думала она.

И ей жалко было бѣдную сироту и хотѣлось быть сильной, богатой и молодой, чтобы броситься вслѣдъ за Соней, отнять ее у дяди, прижать ее къ своему сердцу и унести ее съ собой и не отдавать ее больше никому.

— скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ.

Какъ стало поздно разсвѣтать!
Бывало, солнце свѣтитъ ярко,
Ужъ въ пять часовъ не хочешь спать
Съ кровати прыгъ—бѣжишь по парку.

Едва надѣвши башмаки
Бѣжишь чрезъ лугъ травой росистой,
Чтобъ умываться изъ рѣки
Въ ея водѣ кристально-чистой.

Затѣмъ помчишься въ огородъ,
Наѣшься вдоволь ягодъ спѣлыхъ,
Набьешь горохомъ полный ротъ,
Найдешь грибовъ простыхъ и бѣлыхъ,

И вотъ ужъ осень!.. Нѣтъ грачей,
Замерзла ласковая рѣчка
И вмѣсто солнечныхъ лучей
Мерцаетъ грустно въ дѣтской свѣчка.

Стоитъ ненастная пора,
То снѣгъ, то дождь, зимою вѣть...
И такъ темно—темно съ утра,
А въ три часа опять темнѣть!

Кузнечикъ

НЕЗНАКОМАЯ ДАМА.

У Гриши умеръ отецъ. Его мать долго билась изъ-за куска хлѣба и наконецъ рѣшила отправиться на заработокъ въ Петербургъ. Здѣсь она наняла комнату у своей землячки, поставила у окошка швейную машину и стала шить простонародныя жилетки, которыя продавались затѣмъ на базарѣ разными разносчиками. За шитье каждой жилетки, она получала по двадцати копѣекъ, но болѣе двухъ жилетокъ въ день сшить не могла и потому едва могла и здѣсь сводить концы съ концами.

Передъ приѣздомъ въ Петербургъ Гриша мечталъ учиться въ гимназіи, но дѣла сложились такъ, что о гимназіи нечего было и думать. Думала было мать отдать его куда-нибудь въ училище, да во время не успѣла, а затѣмъ пошли безработица и безденежье и кончилось дѣло тѣмъ, что изъ Гриши сдѣлался простой уличный торговецъ.

Ему десять лѣтъ. Онъ небольшого роста, блѣдный, худенькій и съ виду очень слабый. На лоткѣ, повѣшенномъ у него черезъ шею, онъ носитъ свои грошовые, незатѣйливые товары: шведскія спички, дамскія шпильки, карандаши, иголки и булавки и кое-какую мелочь. Онъ ходитъ изъ улицы въ улицу, изъ квартала въ кварталъ и совершенно не ропщетъ на свою судьбу, такъ какъ приноситъ

домой свою выручку и помогаетъ матери. Когда у матери нѣтъ работы, то на вырученныя имъ деньги она покупаетъ хлѣба, картошки и даже иногда и мяса и на керосинкѣ варитъ вкусный обѣдъ. Уставшій за день ходить по улицамъ, промокшій и продрогшій, Гриша любилъ грѣться у этой керосинки и нюхать, какъ вкусно пахнетъ. Затѣмъ они садились за ѣду. Онъ ѣлъ, а мать рассказывала ему разныя исторіи изъ своей жизни, когда она еще была молода и жила въ достаточной семьѣ. Онъ слушалъ ее, мечталъ о лучшей жизни и остатокъ вечера они проводили вмѣстѣ, думая о будущемъ, строя планы и тѣща свое воображеніе несбыточными мечтами. Они любили другъ друга и такъ какъ имъ за отсутствіемъ второй кровати приходилось спать вмѣстѣ, то онъ горячо прижимался къ матери и такъ и засыпалъ, обхвативши ея шею рукою.

А когда наступало утро, то онъ бралъ свой лотокъ и уходилъ торговать, а она принималась за шитье жилетокъ. Уходя, онъ подходилъ къ матери и нѣжно глядѣлъ ей въ глаза.

— До свиданія, мама, говорилъ онъ. — Постараюсь наторговать сегодня побольше.

Она провожала его грустною улыбкой и часто въ его отсутствіе плакала,

боясь, что онъ такъ и останется вовсе безъ всякаго образованія.

Сойдя съ шестого этажа, Гриша направляется прямо въ бѣдные, грязные кварталы. Кому же изъ богатыхъ людей понадобятся его товары? Идя туда, онъ оглядывается по сторонамъ, боясь какъ-бы его не приняли за нищаго, маскирующаго свое попрошайничество навязываніемъ товаровъ, и не забрали въ участокъ. Затѣмъ онъ начинаетъ свой трудовой день и только къ вечеру возвращается домой.

Однажды, проходя по улицѣ, онъ встрѣтилъ какую-то богатую даму. Она была нарядно одѣта и въ чертахъ ея лица было что-то такое, что невольно притягивало къ себѣ. Гриша взглянулъ на нее и что-то близкое, родное, точно въ лицѣ у его мамы, привлекло его къ ней. Онъ остановился и сталъ на нее глядѣть. Она стояла у крыльца своего дома и очевидно выжидала, когда пройдетъ мимо извозчикъ, чтобы его нанять.

— Сударыня, обратился къ ней Гриша,—купите у меня чего-нибудь!..

Она обернулась на его тоненькій жалобный голосъ и съ выраженіемъ жалости на лицѣ оглядѣла его жидкую, тщедушную фигуру и его жалкіе, дешевенькіе товары. Затѣмъ она вытащила изъ муфты кошелекъ, долго рылась въ немъ и наконецъ съ сожалѣніемъ сказала:

— Какая досада, право! Нѣтъ ни одной копѣйки мелочи!

Гришѣ жаль было разставаться съ нею и, чтобы протянуть время, онъ еще разъ предложилъ ей свои товары.

— Пожалуйста, барыня, купите... обратился онъ къ ней ласковымъ голоскомъ.—Скоро домой идти, а у меня еще все цѣло. Приду домой, мама спроситъ, сколько я наторговалъ, а какъ я ей скажу, что ничего? Гдѣ она возьметъ денегъ на хлѣбъ? Что мы будемъ сегодня ѣсть?

Онъ говорилъ это не для того, чтобы разжалобить даму, а просто потому, что сразу почувствовалъ къ ней почему-то какое-то необъяснимое довѣріе. Глаза его наполнились слезами, голосъ дрожалъ, онъ смотрѣлъ на нее и не могъ оторвать отъ ея добраго лица своихъ глазъ.

— У меня, мальчикъ, нѣтъ мелочи... отвѣтила она.—Мнѣ очень жаль тебя, но что-же я буду дѣлать?

Она сказала это такъ искренно и такъ просто, столько было довѣрія къ нему въ ея голосѣ, что онъ отважился и сказалъ:

— Позвольте я размѣняю... Здѣсь, въ переулкѣ есть мелочная лавка.— Тамъ мнѣ размѣняютъ!..

Дама съ минуту помедлила. Она еще разъ оглядѣла фигурку Гриши, какъ бы задавая себѣ вопросъ, имѣетъ-ли она право не довѣрять ему, а затѣмъ снова вытащила изъ муфты кошелекъ, порылась въ немъ и достала изъ него пятирублевую монету.

— На, вотъ пойдѣ, — размѣняй сказала она.—Я тебя здѣсь подожду.

На высотѣ.

Въ Швейцаріи.

Глаза мальчика просіяли. Никогда еще за всю жизнь никто, кромѣ его матери, не оказывалъ ему такого довѣрія! Сейчасъ-же, сію минуту онъ побѣжитъ въ сосѣдній переулочекъ, въ эту мелочную лавочку и размѣняетъ эти громадныя деньги!

И, позабывъ все на свѣтѣ, себя, свои товары, мать, онъ, какъ стрѣла, помчался въ лавку, крѣпко сжавъ въ кулачкѣ драгоцѣнную монету. Онъ не замѣчалъ ни ѣхавшихъ мимо экипажей, ни стремившихся туда и сюда прохожихъ, ни строгаго городского, подозрительно глядѣвшаго ему вслѣдъ; все его существо было занято теперь мыслью, что ему довѣрили большія деньги и что во что-бы то ни стало должно оправдать это довѣріе.

И вдругъ изъ-за угла выѣхалъ автомобиль. Съ громомъ и шумомъ, оставляя позади себя удушливую облака бензинового дыма, онъ налетѣлъ на бѣднаго мальчугана, ударилъ его въ спину и, далеко отшвырнувъ его на самый тротуаръ, помчался далѣе и скрылся изъ виду.

Гриша ударился головою о камень и потерялъ сознание. Всѣ его товары рассыпались въ разныя стороны. Вокругъ него собралась цѣлая толпа, начались толки, крики, свистки городского и дворниковъ и бѣднаго мальчика подняли съ тротуара, уложили на перваго попавшагося извозчика и повезли въ участокъ.

А довѣрчивая дама еще долго стояла у крыльца поджидала, когда

вернется Гриша. Но онъ такъ и не вернулся.

Ѣхалъ мимо извозчикъ, она утомилась ожидать и кликнула его къ себѣ. Усѣвшись въ коляску, она грустно поглядѣла въ ту сторону, гдѣ за угломъ скрылся Гриша, и покачала головой.

— Всѣ они одинаковы! проговорила она.—Всѣ нечестны уже съ малыхъ лѣтъ! Положительно нельзя никому довѣрять!

И чувство негодованія на Гришу наполнило ея душу. Не такъ ей было жалко пропавшихъ пяти рублей, какъ то, что ее обманулъ мальчикъ, которому ей почему-то такъ хотѣлось довѣрять.

На слѣдующій день, когда она совсѣмъ уже позабыла объ этой исторіи, ей подали газету. Она пробѣжала ее и вдругъ ея взоры упали на слѣдующее извѣстіе:

«Вчера на большой Старо-Козловской улицѣ, около шести часовъ дня, бѣшено - мчавшійся автомобиль сбиль съ ногъ проходившаго черезъ улицу мальчика лѣтъ девяти, повидимому, уличнаго торговца. Истрадавшій съ разбитой о мостовую головой былъ поднятъ въ безсознательномъ состояніи и доставленъ въ пріемный покой, гдѣ ему и была наложена перевязка. Раны его опасности для жизни не представляютъ. Прійдя въ больницѣ въ себя, мальчикъ нѣсколько разъ подрядъ повторилъ фразу:—«Дама ожидаетъ!» Затѣмъ въ его правой рукѣ обнаружена пятирублевая золотая

монета, которую онъ крѣпко сжималъ въ кулакѣ и не смотря на обморокъ и слабость, никому не пожелалъ ее отдать. Понадобились усилія, чтобы извлечь эту монету изъ судорожно-сжатого кулака и убѣдить его, что она не пропадетъ и будетъ ждать его выздоровленія. Но онъ отдалъ монету, а затѣмъ снова взялъ ее въ руку и уже не отдаетъ ее никому. Вѣроятно, какая-нибудь дѣтская драма скрывается въ этой монетѣ и во всемъ описанномъ печальномъ происшествіи. Установить личность владельца автомобиля не удалось».

Дама едва имѣла силъ окончить чтеніе этой статьи. Испытывая волненіе, она быстро поднялась съ мѣста и позвонила. Явилась горничная.

— Дайте мнѣ одѣться, Настя, приказала она.—Скажите швейцару, чтобы онъ нанялъ извозчика въ Натальинскую дѣтскую больницу!

Черезъ нѣсколько минутъ она была уже готова и мчалась на извозикѣ въ больницу, увѣренная въ томъ, что найдетъ тамъ именно Гришу, такъ какъ тайный голосъ подсказывалъ ей, что такой мальчикъ, какъ онъ, такъ правдиво и искренно глядѣвшій ей въ глаза, не могъ ее обмануть. И если онъ не возвратился къ ней вчера съ деньгами и заставилъ ее понапрасну его ожидать, такъ только потому, что съ нимъ случилось нѣчто неожиданное, въ чемъ онъ нисколько не былъ виноватъ.

Дорога казалась ей безконечной

и по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ больницѣ, безпокойство ея возрастало. Что, если это не онъ? А если это онъ, то какъ взглянетъ она ему въ глаза, она, не отдавшая сразу ему эти пять рублей, а заставившая его ихъ мѣнять!..

Тѣмъ временемъ извозчикъ остановился у крыльца больницы. День и часъ были не пріемные, швейцаръ хотѣлъ было остановить даму и не впускать ее, но она, какъ вихрь, сбѣжала въ двери и стремительно помчалась вверхъ по лѣстницѣ.

— Вамъ кого? спросила ее попавшаяся ей на встрѣчу сидѣлка.

— Не знаю... отвѣтила дама.

— Къ кому же вы пришли?

— Къ тому мальчику, котораго раздавилъ автомобиль!

— А какъ его фамилія? Какъ его зовутъ?

— Не знаю!..

Вышелъ врачъ въ бѣломъ халатѣ, дѣлавшій обходъ больницы. Онъ заинтересовался этимъ разговоромъ, остановился и спросилъ прибывшую даму:

— Вамъ угодно видѣть того мальчика, который никому не хочетъ отдавать пяти рублей.

— Да, да! обрадовалась дама.

Онъ самъ предложилъ ей провести ее къ больному. Они прошли безчисленное количество корридоровъ и залъ, въ которыхъ лежали на бѣлыхъ кроватяхъ больныя дѣти, и наконецъ вошли въ ту самую палату, въ которой лежалъ Гриша.

— Вотъ онъ! сказалъ врачъ.

Она приподняла вуаль и наклонилась надъ больнымъ. Да, это былъ онъ, тотъ самый бѣднячокъ-торговецъ, который взялся размѣнять ей золотую монету! Онъ лежалъ теперь на койкѣ, вытянувшись во весь свой ростъ, и его глаза казались еще больше отъ мертвенной блѣдности его лица. Откинувъ голову на подушку, онъ лежалъ на спинѣ и въ крѣпко стиснутомъ кулачкѣ держалъ дрожащую для него монету.

Она опустилась на колѣни у его кровати и нѣжно его обняла. На глазахъ у нея навернулись слезы. Ей было жаль его, но въ то-же время ее до глубины души трогало и то, что онъ былъ честенъ и не обманулъ оказаннаго ему довѣрія. Смахнувъ слезы и отеревъ глаза душистымъ платкомъ, она поднялась на ноги. Теперь она была увѣрена, что на свѣтѣ есть честные люди, для которыхъ стоитъ жить и для счастья которыхъ стоитъ посвятить всю свою жизнь.

Онъ въ это время открылъ глаза.

— Ну, что? обратилась она къ нему и улыбнулась.—Какъ ты себя чувствуешь?

Онъ узналъ ее и тоже улыбнулся во все лицо. Глаза ихъ встрѣтились и что-то родное, теплое почувствовалъ онъ въ ея взглядѣ къ себѣ. Онъ видѣлъ ее теперь только во второй разъ въ жизни, но ему показалось почему-то, что онъ знаетъ

ее уже давно, что онъ знакомъ съ ней еще съ того времени, когда только что сталъ сознавать себя и давать себѣ отчетъ въ всемъ окружающемъ, и что-то пріятное, сладчайшее, какъ медъ, наполнило вдругъ его сердце.

Онъ разжалъ руку и протянулъ къ ней золотую монету.

— Это ваша... сказалъ онъ.—Я не отдалъ ее никому...

Она обхватила его обѣими руками за узенькія плечи, прижалась къ нему, поцѣловала его въ щеки и въ лобъ и уѣхала къ себѣ домой.

Въ тотъ-же день Гриша былъ перевезенъ въ каретѣ изъ больницы въ ея домъ. Послали за его матерью и бѣдная женщина, какъ увидала его блѣднаго, лежавшаго на кровати съ повязкою на лбу, такъ и упала головою къ его ногамъ. Отчаявшись въ возвращеніи сына, проискавъ его по всѣмъ улицамъ и переулкамъ въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, она рѣшила, что не увидитъ его больше уже никогда. И вдругъ—посланный отъ какой-то неизвѣстной дамы! Онъ стучится къ ней въ дверь, беретъ ее съ собой, усаживаетъ ее въ экипажъ и везетъ куда-то далеко. Они подъѣзжаютъ къ богатому дому, ее встрѣчаетъ какая-то ласковая дама, ведетъ ее черезъ всѣ комнаты, вводитъ въ просторную, но пустую комнату съ чистыми, голубыми обоями, въ которой топится для чистоты воздуха печь, и здѣсь бѣдная женщина видитъ своего Гришу, блѣднаго, съ

повязкой на лбу. Она припадаетъ къ его ногамъ и плачетъ, плачетъ безъ конца.

Невдалекѣ стоитъ неизвѣстная дама и, тоже отирая слезы, говоритъ:

— Бѣдная, бѣдная женщина!

Несчастливая мать поднимаетъ голову и съ благодарностью смотритъ на незнакомку. Та подходитъ къ ней, беретъ ее за плечи и ласково, какъ родная сестра, поднимаетъ ее на ноги.

— Не плачьте, говоритъ она.— Онъ поправится!

Мальчикъ въ это время открываетъ глаза, видитъ свою мать и лицо его озаряется счастливой улыбкой.

— Мапочка! мама! говоритъ онъ.— Ты здѣсь? Зачѣмъ ты плачешь? Ты знаешь?.. У меня есть новая тетя!..

Онъ улыбается своей выдумкѣ и смотритъ на незнакомую даму. Но ей нравится то, что онъ назвалъ ее «тетей», она подходитъ къ нему, треплетъ его рукою по щекѣ и говоритъ:

— Спи, спи, мой дорогой племянникъ! Завтра еще разъ придетъ докторъ, а недѣли черезъ полторы ты будешь уже бѣгать по саду...

— По какому? спрашиваетъ больной.

Дама подходитъ къ окну и отдергиваетъ занавѣску. Зеленяя деревья, съ кое-гдѣ уже начинающей желтѣть листвою, глядятъ въ это окно

и между ними виднѣются желтенькія, посыпанныя пескомъ дорожки, бѣгущія далеко куда-то вглубь.

— А вотъ по этому! весело отвѣчаетъ дама.

— А развѣ... развѣ я буду здѣсь бывать? робко спрашиваетъ Гриша.

— Не только бывать, но и жить! говоритъ дама.— Ты останешься въ моемъ домѣ навсегда.

— А мама? наивно спрашиваетъ мальчикъ.

Дама вопросительно смотритъ на его мать.

— Оставайтесь жить у меня! обращается она къ ней.— Будьте мнѣ, какъ родная сестра!

Гришина мать въ удивленіи глядитъ на незнакомую даму, а потомъ бросается къ ней на шею и все еще не вѣритъ своимъ ушамъ. Ей кажется, что она видитъ волшебный сонъ. А та прижимаетъ ее къ своему сердцу и говоритъ:

— И такъ, вы остаетесь у меня навсегда. Я буду вамъ сестрой, а вашему мальчику буду тетей. Я совершенно одна и ваше присутствіе наполнитъ мнѣ жизнь. Вы согласны?

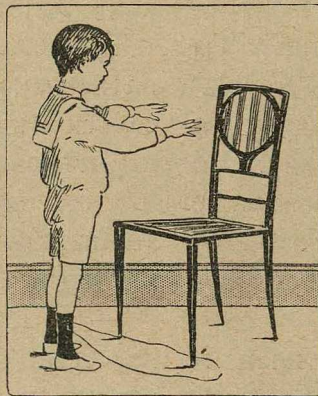
Гриша и его мать смотрѣли на неизвѣстную даму и молчали. Но по выраженію ихъ глазъ можно было понять, что они согласны и что передъ ними открывается новая, прекрасная, счастливая жизнь.

М. Б.

ФОКУСЪ.

Какъ заставить ходить за собой любой стулъ? Чтобы сдѣлать этотъ фокусъ, необходимо заранѣе, никому ничего не говоря, взять тонкую черную, прочную нитку около $2\frac{1}{4}$ аршинъ длины, и привязать къ концамъ ея по булавкѣ, согнутой крючкомъ. Такимъ образомъ у васъ получится какъ-бы удочка съ двумя крючками по разнымъ концамъ. Тихонько отъ всѣхъ, приколите одинъ изъ этихъ крючковъ къ чулку правой ноги, и другой къ чулку лѣвой ноги; если-же вы носите брюки, то приколите эти крючки къ брюкамъ спереди, но обязательно ниже колѣнъ. Если послѣ этого вы захотѣли-бы пройтись по комнатѣ, то образовавшаяся между вашихъ ногъ петля изъ нитки вамъ нисколько не помѣшаетъ. Затѣмъ постарайтесь передъ началомъ фокуса стать такъ, чтобы нитка легла передъ вами на полу, образовавши большую петлю. Это сдѣлать очень легко, повторивъ опытъ раза два-три у себя наединѣ. Выбравъ стулъ, вы возьмите его на руки, покажите его зрителямъ и пусть они осматриваютъ его со всѣхъ сторонъ и убѣдятся, что въ немъ нѣтъ никакихъ приспособленій. Послѣ этого вы поставьте стулъ на полъ

такъ, чтобы одна изъ его ножекъ обязательно стала въ петлю изъ нитки, и начинайте манить его къ себѣ руками. При этомъ вы будьте серьезны, не смѣйтесь сами и важно говорите:— «Стулъ, я приказываю тебѣ двинуться съ мѣста и идти за мной! Иди-же!» И все еще дѣлая ему руками манящія движенья, вы начинайте отступать назадъ. Петля изъ нитки вытянется и потащитъ за собой и стулъ. Но отступайте потихоньку, постепенно, чтобы отъ вашего рѣзкаго движенья нить не оборвалась. Тотчасъ же всѣ зрители въ удивленіи повскакиваютъ со своихъ мѣстъ и обступятъ васъ, но вы не выдавайте имъ своего секрета, возьмите стулъ въ руки и отнесите его на мѣсто. При этомъ скажите:

—„Сеансъ оконченъ. Больше стулъ ходить не будетъ!» Послѣ этого вы незамѣтно отцѣпите отъ ногъ нить и спрячьте ее къ себѣ въ карманъ. Начнутся разговоры, разспросы: какъ это стулъ могъ двигаться съ мѣста самъ и идти за вами? Тогда вы предложите зрителямъ указать вамъ на любой другой стулъ и повторите фокусъ.

Самъ по себѣ очень простой, этотъ фокусъ однако-же требуетъ практики.

Постарайтесь сдѣлать его нѣсколько по комнатѣ и не наступать на нее, разъ наединѣ, тогда вамъ будетъ какъ ей ложиться петлею на полу ясно: какой длины должна быть и съ какою силою вамъ отступать нитка, насколько ниже колѣнъ ее назадъ, чтобы стулъ слѣдовалъ за вами.

нужно прикалывать къ брюкамъ или къ чулкамъ, какъ ходить съ нею

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Маленькое насѣкомое.
- 2) То что помогаетъ человѣку въ трудѣ.
- 3) Названіе мѣстности въ Палестинѣ.

Если отнять отъ этихъ словъ первые слоги, то получается:

- 1) то, чѣмъ кормятъ маленькихъ дѣтей,
- 1) принадлежность колеса,
- 3) цвѣтокъ.

Изъ первыхъ-же слоговъ этихъ трехъ словъ составляется названіе предмета, необходимаго въ почтовыхъ сношеніяхъ и при книгопечатаніи.

Какія задуманы слова и какое это новое слово?

II.

Даны три слова: *Виноградъ*, *Страусъ* и *Плотникъ*.

Взять отъ cadaго изъ нихъ по одному только слугу и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, означающее физическій приборъ для измѣренія температуры.

Какое это слово?

III.

Названія какихъ деревьевъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Отъ плохого состоянія дороги обѣ оси на нашемъ тарантасѣ сломались и мы должны были весь остальной путь совершить пѣшкомъ.

2) У мужика отъ боли память отшибло.

3) Когда послѣ лѣта открыли шкафъ, то оказалось, что въ немъ моль халатъ такъ источила, что онъ сталъ похожъ на рѣшето.

4) У насъ всякихъ товаровъ цѣлая кипа: рисъ, пшено, чай, сахаръ и даже мыло и духи.

5) Вмѣсто того, чтобы слоняться по задворкамъ, ты лучше въ саду бѣ гулялъ! Тамъ такъ теперь тѣнисто!

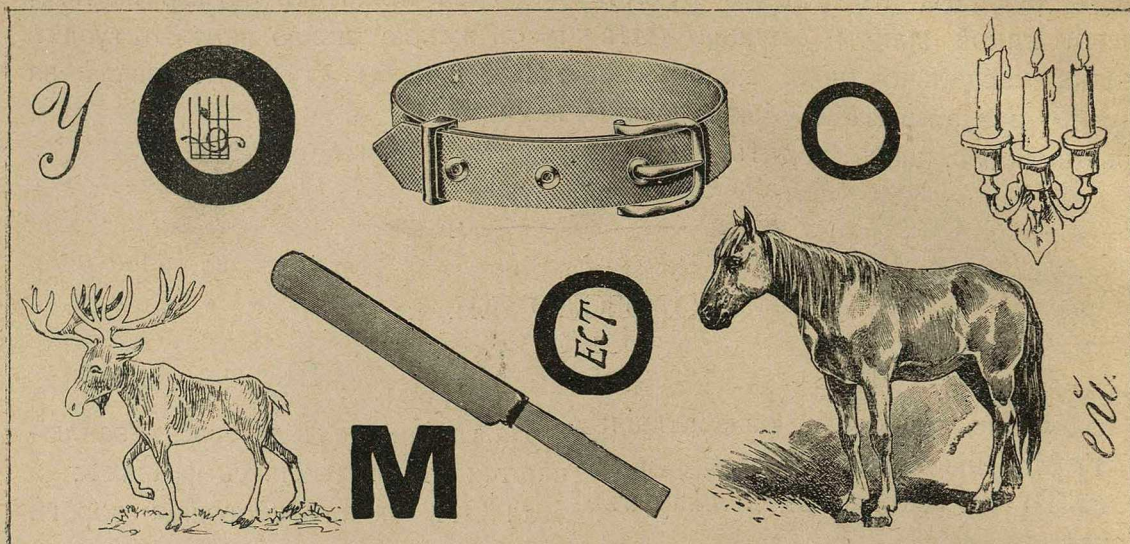
6) Я завязъ въ болотѣ и едва вылѣзь изъ него.

7) Мы часто пользу видимъ тамъ, гдѣ вредъ одинъ грозитъ лишь намъ.

8) Подулъ вѣтерокъ и отъ ряби на водѣ смутилась зеркальная поверхность пруда.

9) Не бойся заразиться и не смотри на нашего больного такъ косо:

РЕБУСЪ № 1.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ эти головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны).

корь у него уже давно прошла и на этихъ дняхъ онъ выйдетъ на воздухъ.

10) Нива моя, нива, нива золотая! Зрѣешь ты на солнцѣ, колось наливая!

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“ за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экземпляръ. Безъ переплета—по три рубля. За пересылку по разстоянію.

Можно выписывать изъ Редакціи „Золотое Дѣтство“.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

АКТОМ ОБЪЕДИНЕНИЯ

1918 г.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

ОБЪЕДИНЕНИЕ РАБОТНИКОВ

1. Общие положения

2. Состав объединения

3. Цели и задачи

4. Права и обязанности членов объединения

5. Порядок вступления в объединение

6. Порядок выхода из объединения

7. Порядок избрания органов управления

8. Порядок проведения выборов

9. Порядок работы органов управления

10. Порядок разрешения споров

Годъ изданія четвертый

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Романы, повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга „Въ тепломъ гнѣздышкѣ“—сборникъ интересныхъ рассказовъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ (12 печатныхъ листовъ). Въ отдѣльной продажѣ эта книга будетъ стоить 1 р. 50 к.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

